

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. С. Титков

Образы регионов в российском массовом сознании

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_3_Titkov.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ОБРАЗЫ РЕГИОНОВ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

А.С. Титков

Прежде чем приступить к непосредственному анализу бытующих в сознании россиян представлений о регионах, следует сделать несколько оговорок. Образы регионов в массовом сознании — тема настолько обширная, что ее трудно охватить рамками одной статьи. Поэтому неизбежно приходится идти на определенные ограничения. Так, в настоящей работе не будут затрагиваться устойчивые образы, существующие в культуре десятилетиями и отраженные в фольклоре (скажем, представления о сибиряках как о сильных, крепких, “ядренных” мужиках, способных спать на морозе и пить водку ведрами, и т.п.).

Далее, образы регионов будут рассматриваться через их отражение в общероссийских средствах массовой информации и в работах столичных экспертов и аналитиков. Оправданием такому упрощению служит характерная для России высокая степень централизации информационных потоков с явным преобладанием вертикальных связей над горизонтальными. Как правило, жители регионов довольно плохо осведомлены даже о том, что происходит у их ближайших соседей, — а если и обладают какой-то информацией, то преимущественно из столичных источников*. Разумеется, при детальном изучении отдельных регионов потребовалось бы учитывать образы и воззрения локального происхождения и значения (в частности, формируемые местными средствами массовой информации), но при взгляде на обобщенную картину страны в целом (а в данном случае нас интересует именно она) местные отклонения выглядят как малозаметные “шумы”, которыми можно пренебречь.

* * *

Процесс преобразования “потока жизни”, череды различных событий на местах в представления о регионах распадается на несколько этапов. Первый из них — отслеживание событий местными корреспондентами (“органами чувств”) СМИ и передача соответствующей информации в “центр”. Следующий этап — сбор и осмысление в “центре” (в разных его проявлениях) полученной информации, а затем ее трансляция в виде сообщений, несущих определенную оценочную нагрузку. На основе таких сообщений и складываются более или менее упорядоченные “картины мира”.

Рассмотрим сперва, что происходит с информацией о регионах на стадии простого обмена сообщениями, которые поступают сначала с мест в “центр”, а потом из “центра” обратно на места, транслируясь на всю страну. Уже на этом этапе существуют по крайней мере два серьезных источника искажений. Прежде всего, речь идет о потере информации из-за редкой и неравномерной корреспондентской сети с ее “белыми пятнами” и привязкой к немногочисленным крупным центрам. До читателей, зрителей, слушателей доходят сообщения главным образом из мест, находящихся в поле зрения журналистов. Весьма показателен в этом отношении пример газеты “Известия”. Ее читате-

ТИТКОВ Алексей Сергеевич, научный сотрудник Института географии РАН.

* В качестве примера можно привести заметку из газеты “Саратовские вести”, где сообщение о референдуме в одном из городов области — в г.Энгельсе — предварялось ссылкой на... Российское телевидение.

ли постоянно в курсе тонкостей политической жизни Вологодской и Пензенской областей и Красноярского края (а также их ближайших соседей) — не потому, что названные регионы являются самыми интересными в России, но потому, что там действуют наиболее активные и любознательные постоянные корреспонденты “Известий”*. О том же, что творится в остальных регионах страны, узнать из “Известий” довольно трудно.

Другой фактор — неизбежный отбор и отсеивание информации, причем в роли “фильтров” выступают и сами корреспонденты на местах, и более высокие звенья цепочки. Понятно, что пройти через подобные “фильтры” могут только сообщения о событиях, которые по тем или иным соображениям считаются важными и интересными. К чему это приводит, видно на примере уже упоминавшегося Красноярского края — весьма обширного и разнообразного (не зря его часто называют моделью России), со сложной политической и экономической жизнью. Хотя общий объем доходившей до публики информации о крае довольно значителен, было бы большим преувеличением говорить о ее разнообразии: до появления А.Лебеда она сводилась преимущественно к сообщениям о ситуации вокруг “Норильского никеля” и о “войнах” на Красноярском алюминиевом заводе, с приходом нового губернатора к этим темам добавилась персональная “лебедевская” — вот, пожалуй, и все.

Значительное влияние на формирование образа региона оказывают региональные власти. Важно уже само наличие яркой, неординарной личности. Такая личность притягивает к себе внимание и становится как бы олицетворением региона: так, в общественном сознании Курская область — это прежде всего Руцкой, Нижегородская — Немцов (до его ухода в правительство), Приморский край — Наздратенко с Черепковым и т.д. В последнее время все большую роль начинают играть целенаправленные усилия местных властей по формированию выгодного имиджа региона — будь то за счет прямых гонений на неугодных журналистов либо обращения к современным технологиям работы с общественным мнением. Здесь стоит выделить администрации Саратовской и Новгородской областей, сознательно и весьма успешно “лепящие” образы собственных регионов как передовых, реформаторских и благополучных, но использующие при этом несколько отличающиеся приемы: в первом случае упор делается на широкую публичную известность, масштабные мероприятия и громкие заявления, во втором — на создание благоприятного впечатления у специалистов, среди деловых кругов.

Иллюстрацией к сказанному может служить карта образов регионов в средствах массовой информации в 1997 г.** (см.: Приложение). Она наглядно демонстрирует ограниченность числа по-настоящему заметных регионов, а также “дискретность” региональных образов, складывающихся на базе относительно узкого набора тем и событий.

* * *

Следующая стадия формирования региональных образов — осмысление и приведение в систему отдельных сообщений и создание на их основе относительно непротиворечивых “картин мира”. При рассмотрении ее особенностей целесообразно обратиться к анализу тех интерпретаций, которые даются региональным результатам общероссийских голосований. Дело в том, что такой

* В свою очередь, такие настойчивые журналисты сами начинают влиять на ход местной политики, действительно играя роль “четвертой власти”. Обращаясь к истории тех же “Известий”, можно вспомнить вологодское “хлебное дело”, приведшее к отставке губернатора Н.Подгорнова, разоблачительные материалы о “времени быков”, наступившем в Ленинске-Кузнецком при мэре Г.Коняхине (результат — тоже отставка и арест), о “неприкасаемом” красноярском алюминиевом короле А.Быкове и т.д.

** Карта была составлена автором совместно с Н.Петровым и С.Сафроновым в Московском Центре Карнеги и опубликована в “Политическом альманахе России 1997” (см.: 1, с. 137).

подход позволяет отвлечься от описанных выше информационных искажений и разрывов. Избирательная статистика попадает в руки аналитика в почти идеальном виде: в форме готовой таблицы, которая содержит данные, полностью и одновременно покрывающие всю территорию страны, причем каждая, без пропусков, территориальная ячейка описывается легко сопоставимыми между собой числовыми значениями. Кроме того (что немаловажно), в отличие от изменчивости мелькающего в информационных сообщениях “потока жизни” электоральные предпочтения регионов обладают известной устойчивостью и преемственностью. Соответственно, формирующиеся под их влиянием представления о регионах тоже не меняются резко от выборов к выборам, а наоборот, закрепляются и развиваются, становясь привычными для все более широкого круга людей.

Первое, что бросается в глаза при обращении к описаниям географической картины голосований средствами общественной коммуникации, — это отсутствие единства в оценках, своеобразный “конфликт интерпретаций”, свидетельствующий о сильной зависимости географических представлений от политических позиций. Чтобы упорядочить существующий разброс мнений и суждений, необходимо свести их к ограниченному числу ментальных моделей, имеющих, как будет показано ниже, не только пространственную, но и временную компоненту.

Можно выделить две таких принципиально разных модели — что, в общем, соответствует основному электоральному расколу на (очень условно говоря) “демократов” и “коммунистов”, который наиболее отчетливо проявился в ходе так наз. дихотомических голосований, требовавших выбора между двумя полюсами (референдумы 1993 г., президентские выборы 1996 г.). Рассматривая эти модели, я буду использовать главным образом материалы публикации после апрельского референдума 1993 г. — к счастью, уже достаточно удаленного от нас по времени, чтобы анализировать его исключительно в научных целях. Именно тогда многие политико-географические особенности страны выступили столь явно, что были замечены и стали, наконец, частью общественного сознания. Тогда же приобрел наглядные формы и “конфликт интерпретаций” (в частности, географических) результатов референдума между общественно-политическими лагерями.

Начну с пространственной модели противников Президента (далее я буду условно называть их “коммунистами”). В 1993 г. она получилась более детальной и рельефной, чем у его сторонников, — не в последнюю очередь потому, что “коммунистам” требовалось объяснить, хотя бы себе и своим приверженцам, причины довольно неожиданного для них проигрыша на референдуме (в т.ч. с помощью географии). Географический способ объяснения лучше многих других позволял компенсировать количественный проигрыш в голосах доказательством качественного превосходства своих сторонников над противниками — достаточно было описать с положительной знаковой оценкой территории, где первые получили большинство, и с отрицательной — где они оказались в меньшинстве.

Итак, “где же получили доверие президент и его политика? В основном это города и регионы, которые стали центрами спекуляции государственными и национальными богатствами — Москва и Ленинград, Свердловская область, Республика Якутия (Саха) и некоторые другие” (2, 30.04.94). Другой аргумент: “По нашему мнению, четко прослеживается социальная база Ельцина — чиновно-бюрократический аппарат, спекулятивно-теневой сектор экономики, денационализированная часть интеллигенции и люмпенизированный слой общества, готовый торговать национальным достоянием России. Подтверждением этому может быть и голосование в Якутии и Магаданской области, где на мнение участников референдума повлияло, безусловно, недалекое решение разрешить специфическую распродажу алмазов и золота” (2, 30.04.93).

Правда, в отличие от “сырьевых” и “приморских” регионов Москва, Петербург и вообще крупнейшие города не очень уверенно вписывались в схему “распродажи Родины”: “Непонятно... как и почему поддержали Президента наиболее вероятные кандидаты на “ликвидацию” — научно-промышленные центры: Москва, Петербург и ряд крупных городов Урала” (3, 4.06.93). Можно было, конечно, говорить про “две столицы и три уральские области, равнодушные к Борису Николаевичу. Лично” (4, 5.05.93), но получалось слишком по-житейски, без обличительного запала. Поэтому их приходилось наделять собственными отталкивающими чертами: “Ельцин выиграл за счет таких мегаполисов, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург. Парадокс ситуации, требующий специального объяснения, состоит в том, что этот курс поддерживается людьми, которые меньше всего готовы к хозяйственной активности, которые больше всего страдают от экономических экспериментов Ельцина. В этих городах преобладают советские пенсионеры, носители иждивенческой психологии. В этих городах преобладают государственные служащие, живущие жалованием, а нередко и взятками. В этих городах экономическая жизнь во многом контролируется теневым капиталом. Характерно, что в Санкт-Петербурге большинство бомжей выразили доверие Президенту” (5, 6.05.93). А вот и “специальное объяснение”: “Крупные города, сосредоточившие значительные массы бюджетных организаций, были попросту подкормлены многократным повышением заработной платы” (3, 4.06.93).

Совсем по-иному описывались территории, большинство жителей которых сказали “нет” Президенту: “Картина вырисовывается однозначная: этот курс не приемлет практически вся крестьянская Россия, и в первую очередь крестьянство главных житниц страны — Черноземья, Поволжья, Целины” (2, 6.05.93). Причина правильного голосования сельских жителей выводилась не только из их экономического недовольства, но и из общего морально-политического превосходства над горожанами: “На селе не бастуют, не устраивают митингов и демонстраций и, кстати, гораздо меньше пьют. Там предпочитают работать в самых диких и ужасных экономических условиях, ибо понимают, что никакая самая щедрая гуманитарная помощь не спасет страну от голода, если и русский крестьянин опустит руки. Одновременно нарастает и глухое недовольство безумству властей. Оно выразилось пока лишь в итогах референдума” (2, 6.05.93), но выразилось, конечно, с лучшей стороны: “Обратим внимание на Центрально-Черноземный район. Во всех округах этого района избиратели проголосовали против доверия президенту. Почему? Там просто люди отнеслись к референдуму более сознательно и организовано ... В этом и собака зарыта” (2, 24.06.93).

Наряду с противопоставлением “городов” и “сельской местности” встречалось и другое парное противопоставление — “промышленные” и “сырьевые” регионы: “Президента поддерживают сырьевые регионы и отвергают регионы с развитой обрабатывающей промышленностью” (3, 4.06.93), ему “отказано в доверии в регионах с промышленностью, которая уже в ближайшее время будет отдана на закание — банкротство” (6, 13.05.93). Тезис о голосующих “против” развитых промышленных регионах, казалось, не должен был бы вызывать сомнений: “Президентский план реформ, что уже очевидно*, это план превращения России в сырьевой придаток Запада с развитием по латиноамериканскому типу. Народ это осознал. Сырьевые регионы надеются эгоистически выжить, несмотря на крах своей великой державы — России. Для тех же, кто производит собственную российскую сельскохозяйственную и промышленную продукцию, приготовлена роль лишних людей. И эти люди уже почувствовали угрозу. Итак, здесь все ясно” (3, 4.06.93), — но, к сожалению, его трудно было подкрепить доказательствами.

* Здесь и далее выделено автором. — А.Т.

ми*. В результате модель с двумя парами противопоставлений оказывалась подвешенной в воздухе, менее устойчивой, чем непарная, в которой село (с частью национальных республик) выступало в качестве единственного положительно окрашенного элемента.

Характерный мотив — подчеркивание внушительных размеров, пространственной значительности “своих” территорий: “Я сознательно говорю не об отдельных антиельцинских регионах-оазисах, а о бескрайних сплошных просторах, площадь которых только в европейской части России составляет более 1,2 миллиона квадратных километров (это примерно площадь Франции, ФРГ, Великобритании и Италии вместе взятых)” (4, 5.05.93), “красный пояс” охватывает собой гигантские пространства” (2, 6.05.93), или даже: “Референдум не состоялся не только в маленькой Чечне, но и на огромных просторах Татарии” (6, 29.04.93). При таком подходе территории, проголосовавшие за Президента, сами собой превращались в скромные пятнышки: “Если не полениться и вычислить площадь территории, которая сказала “нет”, о “всемирности” результатов придется забыть. На этом фоне успех президента на Чукотке выглядит 101-м анекдотом чукотской серии” (3, 4.06.93) или: “Из описанного видно, что социальная база Б.Ельцина весьма непрочная. А только с Москвой, Санкт-Петербургом и Екатеринбургом провести реформы невозможно” (7, 28.04.93).

К слову, тогда, в 1993 г. (как и после президентских выборов 1996 г.), в оппозиционных изданиях при всем обилии таблиц, графиков, рисунков трудно было найти карты результатов голосования. Очевидно, что причина заключалась отнюдь не в отсутствии соответствующих навыков. В 1993 г. только в газете “Советская Россия” в среднем каждый седьмой-восьмой номер украшался рисунком с использованием очертаний России-СССР-СНГ (правда, это были в основном карикатуры, на разный лад отображающие тему издевательств над страной). Объяснение, скорее всего, состоит в том, что при использовании обычных картографических методов слишком большими и заметными получались редко заселенные, но самые крупные по площади территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые голосовали за Б.Ельцина. В сравнении с ними полоска областей, проголосовавших “против”, выглядела очень скромно и совсем не походила на бескрайние просторы.

Географические взгляды сторонников Президента (“демократов”) обозначены более расплывчато и пунктирно: результаты референдума апреля 1993 г. настраивали их скорее на рассуждения о всемирной поддержке всемирно избранного Президента на всемирном референдуме, чем на интерес к региональным особенностям.

Как правило, не сопровождалась какими-либо пояснениями или оценками сообщения о победах в больших городах. Отсюда, правда, едва ли следует вывод о недооценке этого географического факта. Речь, скорее, идет о том, что его значение представлялось само собой разумеющимся. Как иначе истолковать, например, такую брошенную вскользь фразу: “Москва, Питер, другие города, где живут более-менее нормальные люди, дают дополнительные голоса “Выбору России” (8, 16.12.93).

Таким же понятным без лишних разъяснений выглядит отношение к аграрным районам как к гораздо менее качественно ценным территориям: “Патриархальной крестьянской Руси, по которой страдают наши “почвенники”, которую призывают возродить, по сути, уже нет. А вот дере-

* В качестве единственного примера, но не подтверждавшего общее правило, а являвшегося досадным исключением из него, приводилась Ивановская область с ее знаменитыми ткачихами: “Даже в безработном Иванове нынешний курс поддержали 58,3 процента принявших участие в референдуме” (3, 28.04.93). “Почему ивановские ткачихи, у которых стоит половина текстильных заводов, нет зарплаты, растет безработица, голод и нищета, использовали свою политическую активность на то, чтобы выразить доверие президенту Ельцину?” (2, 10.06.93).

венская Россия, разумеется, существует. Отсталая деревенская Россия. Консервативная деревенская Россия – в силу своей отсталости” (7, 18.06.91). В подобном контексте успех политика у сельских избирателей предстал как нечто почти оскорбительное для него, как показатель его недостатков: “ЛДПР, если говорить о нашей области, победила в районах с наиболее низким уровнем образованности и культуры – сельских” (9, 21.12.93).

Подводя итог двум описаниям географической структуры страны, можно представить их в виде простой таблицы.

Таблица 1.

Типы регионов		Крупные города, сырьевые, приморские территории	Сельские, национальные территории
Позиция автора описания			
		ДА	НЕТ
Позиция автора описания	ДА	прогрессивные, культурные, свободные, образованные	отсталые, темные, послушные, забытые
	НЕТ	спекулятивно-мафиозные, иждивенцы, подкупленные, обманутые	исконные, трудолюбивые, прозревшие, сознательные

За прошедшее с 1993 г. время аргументация сторонников как одной, так и другой точки зрения стала более разнообразной и изощренной. Среди доказательств качественного превосходства “нашей” части страны над “не нашей” можно, в частности, встретить следующие цифровые подсчеты: на “нашей” территории выше душевая доля имеющих личные автомобили, тогда как на “не нашей” выше процент убийств и изнасилований; в “нашем” поясе больше, чем в “не нашем”, число получивших в годы войны звание героя Советского Союза и т.п. Но сама описанная схема, дополнившись новыми красками, существенно не изменилась.

* * *

Принципиально важно, что рассмотренные выше модели отличаются друг от друга именно интерпретациями общего пространственного рисунка. С противоположных политических позиций видятся одни и те же элементы пространственной структуры (“север – юг”, “центр – периферия”, “город – село”), которые складываются между собой похожим образом. Быть может, на первый взгляд, такая ситуация выглядит удивительной, но она вполне объяснима, ведь речь идет о представителях единой культуры, в т.ч. политической. Кроме того, нет никаких оснований считать “конфликт интерпретаций” одинаково понимаемой пространственной структуры чем-то присущим исключительно России нашего времени. Скорее наоборот, здесь мы сталкиваемся с явлением более или менее распространенным. Вспомним, к примеру, спор о перспективах развития капитализма в России, разгоревшийся в начале века между марксистами и неонародниками. Прямо противоположные выводы делались тогда не только на основании единого круга статистических источников, но и при очень сходных представлениях о территории страны как о совокупности сменяющих друг друга широтных и меридиональных полос, свойства которых изменяются по градиенту “северо-запад – юго-восток”*.

* В подтверждение высказанного тезиса можно привести и пример, взятый из древнекитайского трактата “Рассуждения о соли и железе”. Еще более двух тысяч лет назад соперничавшие тогда школы конфуцианцев и легистов, в равной степени исходившие из представлений о квадратном полицентрическом пространстве, совершенном и гармоничном в столице “посреди Неба и Земли” и необустроенном и негодном на варварских окраинах, делали из них противоположные выводы о политике, которую следует проводить государю. Если одни считали, что он должен сосредоточить усилия на завоевании и усмирении дальних окраин, то другие утверждали, что ему прежде всего надо заботиться о благополучии ближних земель (см. 10).

Различия между двумя моделями частично связаны, как можно заметить, с хорошо известным в ментальной географии противопоставлением “урбанизм — антиурбанизм”, но тут необходимы существенные оговорки.

Не вызывает сомнений, что в модель “демократов” прочно встроены представления о городах как о центрах всего передового и культурного, в т.ч., конечно, и в политике, и о сельской местности как об отсталой консервативной глубинке, постепенно и с трудом принимающей все новое. В этом отношении модель “коммунистов” выглядит куда более неоднозначной и противоречивой. Да, в ней вполне отчетливо выражена отрицательная знаковая оценка если не всех городов, то крупнейших и столичных, которые объявляются развращенными и подкупленными правящей верхушкой, живущими за счет трудолюбивой провинции и распродажи национальных богатств. Но одновременно на нее продолжают оказывать влияние и прямо противоположные взгляды. Показательно выступление Г.Зюганова на пленуме КПРФ в мае 1993 г.: “Мы однозначно проиграли там, где согласно всем теоретическим представлениям сосредоточена главная база коммунистической партии. Как ни горько признавать, но это промышленные области Центральной России и Урала, в которых проживает львиная доля населения, сосредоточен огромный отряд индустриального рабочего класса, крупнейшие культурные и научные центры” (2, 1.06.94).

Здесь накладывается другая пространственная модель, сложившаяся в начале нашего века и отвечавшая тогдашним реалиям, а затем десятилетиями сохранявшаяся в курсах научного коммунизма и истории партии. Стоит напомнить главные ее положения: во-первых, сформулированный Сталиным после V съезда РСДРП тезис о большевиках как о партии пролетариев из крупных городов, где промышленность особенно развита и классовые противоречия наиболее ясны (11, с.87); во-вторых, ленинскую интерпретацию итогов выборов в Учредительное собрание: “В обеих столицах, в обоих главных для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил”, а “столицы и вообще крупные торгово-промышленные центры в значительной степени решают политическую судьбу народа”, и вообще “город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом” (12, с.7,8). Высокая официальная оценка городских центров, призванных просвещать, вести и поднимать периферийные районы, преобладала и в советское время (13, с.68-69) и, что вполне естественно, продолжает сказываться на позициях “коммунистов”. Однако в дальнейшем, по всей видимости, влияние подобных представлений, слабо отвечающих современным реалиям, будет уменьшаться.

Не менее важно, что описываемые модели имеют немало общих черт. Прежде всего, чувствуется отчетливо выраженное желание разделить пространство на принадлежащее “нашим” и “не нашим” — разделить однозначно, без полутонов и оттенков, даже если разрыв между числом поддерживающих противостоящие политические силы совсем небольшой. Таким образом, происходит мысленный раскол страны на две качественно разнородные (“хорошую” и “плохую”) части. В свою очередь, жители каждой из частей тоже наделяются однозначными, несомненно положительными или явно отрицательными, качествами, призванными подтвердить легенду об однородности результатов голосования в них*.

* Подобный мысленный раскол создает питательную среду для пугающих разговоров о возможности территориального распада страны, вообще-то имеющих под собой довольно мало оснований: “Итоги референдума дадут еще один печальный результат: они расколют страну чисто географически. Появится карта России в двух цветах, одни области, края и республики проголосуют в своей массе за Президента, другие против” (3, 30.04.93), “к угрожающим России вариантам раскола можно добавить еще один, географический, по 55-й параллели” (18, 28.05.94), “можно взять контурную карту России и закрасить одним цветом регионы доверия президенту, и другим — недоверия. Тогда станет ясно, что в случае развала России она теряет все выходы к морям, перекрываются все внутренние транспортные артерии, нарушаются полностью инфраструктура производства и т.д. — и это не сгущение красок” (6, 13.05.94).

Поскольку обе модели существуют в рамках одной страны с единой политической культурой, они не могут быть изолированными друг от друга, между ними происходит обмен идеями и образами. Убедительным примером такого рода диффузии образов служит история понятия “красный пояс”. Сейчас общепризнанное и привычное, оно имеет точную дату и место ввода в оборот. Возникло оно в полемике, в противовес образу российской Вандеи, который употреблялся “демократами”^{*}.

Впервые понятие “красный пояс” применительно к нашей стране прозвучало в одной из статей в газете “Советская Россия” в мае 1993 г.: “Сегодня в связи с итогами референдума кое-кем пущен тезис о новой российской Вандее – контрреволюционном движении отсталых провинций против прогрессивного центра ...но я предпочел бы говорить не о Вандее, а поискал бы аналогии с другими политическими феноменами, также взятыми из французской действительности, – с “красным поясом” вокруг Парижа” (2, 6.05.93)^{**}. Возникнув в коммунистическом лагере, новый образ получил здесь широкое распространение и вошел в официальные документы компартии, после того как был использован в отчетном докладе Зюганова на партийном пленуме (2, 1.06.93).

Постепенно, однако, образ “красного пояса” стал проникать и в противоположный лагерь. Остались свидетельства, что сначала он воспринимался с недоверием, даже с иронией: “Геннадий Зюганов заявил о создании вокруг Москвы некоего “красного пояса”, в который входит и Пенза. Видимо, это обстоятельство послужило основанием для решения баллотироваться от области в Федеральное собрание ряда высокопоставленных столичных большевиков” (далее следовал рассказ о предвыборных выступлениях, рассчитанных “на ортодоксов-коммунистов и круглых идиотов”, каковых, по заверению автора статьи, “даже в пензенской глубинке, отнесенной Зюгановым к зоне социализма, не так уж много”) (16, 7.12.93). Где-то после думских выборов декабря 1993 г. или выборов в региональные законодательные собрания весной 1994 г. образ закрепился и стал практически общепринятым и официальным: “Начальник управления по работе с территориями администрации российского президента Николай Медведев заявил, что не исключает возможности образования вокруг Москвы своего рода “красного пояса”, сплетенного из регионов с сильными антиреформаторскими и антипрезидентскими настроениями” (16, 3.02.94 и 12.03.94)^{***}.

Образ “красного пояса” стал часто и охотно употребляться в речи и печати. Красочный и понятный без лишних разъяснений, он легко поддавался дальнейшему развитию: так, пояс способен расширяться или сужаться и рассыпаться, подбираться и затягиваться и т.д.; для какой-нибудь территории мог подойти образ “пряжки” на “поясе”^{****}.

По мере того как образ “красного пояса” осваивался правым политическим лагерем (разумеется, здесь его знаковая и эмоциональная оценки поменялись на противоположные), для левых он утрачивал свое однозначно по-

* “Территория “российской Вандеи” расширяется” – заголовок в газете “Сегодня” (14, 28.04.93); “это российская Вандея, которая воспримет реформы со временем, но воспримет их, наверно, последней среди российских регионов” (15, 4.05.93). Первым в современный политический язык этот образ ввел, скорее всего, А.Адамович, назвавший “Вандеей перестройки” Белоруссию.

** Аналогия явно не совсем точная – во Франции “красным поясом” называют рабочие предместья Парижа, а не группу регионов, довольно удаленных от столицы, как в нашем случае.

*** Термин “Вандея” тоже сохранился, но несколько сменил область применения, став гораздо более нейтральным, без качественной оценки, обозначением оппозиционной центральному правительству территории, например, в контексте того времени, не подчинившихся дудаевскому правительству районов Чечни.

**** “На “красном поясе” вокруг Москвы появилась “коричневая пряжка”” (речь идет о Брянской области) (17, 23.10.94) или: “Недаром в горьком партии мне сказали, что если существует в России “красный пояс”, то Смоленск на нем – как солдатская пряжка” (2, 6.04.96).

ложительное наполнение*. В результате примерно со второй половины 1996 г. в документах КПРФ и коммунистической публицистике стал использоваться новый термин — “патриотический пояс”. Таким образом, за несколько лет мы смогли проследить полный цикл “жизни” одного из самых распространенных ныне понятий российской политической географии.

* * *

В обоих политических лагерях для описания пространственных различий применяются как диаметральные (“север — юг”), так и концентрические (“центр — окраины”) схемы. Само по себе существование сразу двух способов описания пространства (см.: *рис. 1-2* в Приложении) неудивительно. Исследования антропологов показали, что даже мелкие поселки первобытных племен (таких, как бороро в бассейне Амазонки или виннебаго в районе Великих Озер) достаточно сложно организованы, чтобы у местных жителей выработались и диаметральные, и концентрические представления об их строении (см.: 19). Что уж говорить о самой большой стране мира! Правда, у упомянутых племен эти представления зависят от места человека в социально-клановой структуре, в нашем же случае аналитики запросто применяют две схемы одновременно, с необычайной легкостью смешивая одну с другой. Отсюда объяснения, что “**южане не поддержали президента**”, поскольку “**издержки реформы ударили, видимо, по центральной России сильнее всего**” (20, 4.05.93); или попытки связать проельцинские настроения **севера**, в частности, с тем, что “**окраинные части издавна живее, прогрессивнее**” (15, 4.05.93).

Можно предположить, что источником диаметральной схемы (“север — юг”) являются доступные непосредственному наблюдению аналитиков карты голосований (в частности, электронные карты группы “Меркатор”, демонстрировавшиеся на всю страну во время телевизионных трансляций из Центризбиркома), тогда как концентрическая схема имеет более глубокие историко-культурные корни и на подсознательном уровне воспринимается как нечто очевидное**.

Возвращаясь к описанным выше двум моделям, замечу, что концентрические картины пространства в них не одинаковы. Для “демократов” в центре пространства находятся столицы, где они имеют поддержку, а отрицательно настроенное окружение сливается со всей остальной периферией. В географической схеме “коммунистов” выделяются историческое ядро — центральные коренные области — и периферия (сырьевые окраины, приморские, пограничные районы), третьим элементом структуры служит враждебно настроенный внешний мир. Референдум выявил качественные различия первых двух составляющих пространства: окраины, “ориентированные на внешний мир”, поддержали реформы (как известно, “спланированные и направляемые извне”), ядро — отвергло***.

* О том, насколько изменилось восприятие образа “красного пояса”, свидетельствует скандал, разразившийся в Совете Федерации в декабре 1997 г. после неосторожного заявления первого зампреда правительства Б.Немцова о том, что иностранные инвесторы не собираются вкладывать средства в регионы “красного пояса”. Возмущенных навешиванием на них политических ярлыков сенаторов успокоило только оправдательное письмо Немцова — который, похоже, не очень понимал, почему применение обычного и нейтрального, с его точки зрения, термина вызвало такую бурную реакцию.

** В этом смысле весьма показательно удивленное замечание одного из ведущих аналитиков того же “Меркатора”, в 1993 г. только начинавшего заниматься политико-географической тематикой: “Оказалось, что страна ведет себя как ассоциация регионов, а не как набор концентрических колец провинции вокруг московского центра” (14, 8.06.93).

*** В политическом обиходе существует целый набор представлений о кольцеобразных структурах, которые могут сочетаться друг с другом самым причудливым образом. Попробуйте, например, представить, а лучше нарисовать: “Кипящие внутри Садового кольца **политические битвы разворачиваются** в стороне от других колец **власти**, концентрическими кругами расходящихся по всей сельской, глубинной, периферийной России. Деревня, это исконное ядро страны, **накрепко схвачена властью руководителей хозяйств и глав сельских администраций**” (16, 14.07.94).

Характерно, что в обоих случаях политические сторонники оказываются в центре пространства, а противники вытеснены на периферию. Здесь нет ничего удивительного: при религиозно-мифологическом восприятии (а его черты можно найти в любой ментальной модели) правильно устроенный “наш мир” всегда находится в центре, а недоступные окраины наполнены мраком, разрухой и всякими чудящими (21, с.36).

* * *

Наконец, следует отметить “хронотопичность” географических представлений – взаимосвязь представлений пространственных и временных. Существующее в пространстве разделение “свое, хорошее, правильное – чужое, плохое, ошибочное” подчеркивается и усиливается оппозицией “новое, молодое, растущее – старое, умирающее, исчезающее”.

Возьмем суждения о голосовавших “против” сельских районах. Для одной стороны это – “российская Вандея, которая воспримет реформы со временем, но воспримет их, наверно, последней среди российских регионов” (15, 4.05.93). Для противоположной – “предстоит еще детально проанализировать, какие факторы способствовали там более быстрому прозрению населения”, но ясно, что “деревня и национальные регионы опережают страну в целом на 2-3 года по степени напряженности противоречий”, и “это не может быть ...проявлением некоего традиционного “консерватизма” и “отсталости” крестьянства. Причину следует искать в том, что сельскохозяйственное производство, а вместе с ним весь строй жизни земледельческого класса первыми уперлись в тупик насильственной, дикой капитализации... Если рабочие захвачены до сих пор своими цеховыми интересами, то крестьяне в большинстве своем уже поднимаются до интересов общенародных” (2, 6.05.93).

В модели “коммунистов” территории, проголосовавшие против Президента, наделяются, помимо огромной пространственной протяженности, такой же длительностью существования во времени: “Против высказались традиционные русские регионы” (22, 2.05.93). “Это – прежде всего коренная исконная Центральная Россия. Вот древний, пограничный ныне, Псковский край, вот соседняя горькая Смоленщина...” (4, 5.05.93), “это центральная Россия, исконно русские места” (2, 1.06.93), “это центры исконных исторических областей проживания русского и других коренных народов России, областей, первыми принимавших на себя удары агрессоров” (2, 6.05.93) (в последнем отрывке – еще и гармоничное сочетание исконного и передового)*.

На другом полюсе – все сиюминутное, непрочное. На Севере “большинство населения здесь проживает и работает на временной основе и охвачено психологией временщиков. Поэтому они психологически и идейно близки по духу нынешним временщикам в руководстве страны” (23, 24.06.94). А “город и сосредоточенная в нем промышленность еще могут некоторое время держаться за счет многостороннего бартера, проедания основных фондов и сырьевых ресурсов” (2, 6.05.93), но совсем недолго: “Очевидной была товарная интервенция в апреле, попросту переполнившая прилавки товарами ..именно в том месяце на несколько недель. Ожидаемая в мае-июне 300-400 процентная

* В высказываниях “демократов” тоже проскальзывает досада, что “поражение в самом сердце России, на исконно русских землях, делает общую победу президента как бы неполноценной” (15, 4.05.93), но в этом случае в описании исконных земель упор делается на их столь же исконные темноту и отсталость: “Так уж складывалась история, что окраинные части русской ойкумены издавна были прогрессивнее, оживленнее, а центр страны оставался в застое. В центре владычество московских царей всегда было жестче, а крепостное право более жестоким. Именно поэтому отсюда шел поток на менее скованные самодержавием окраины, где оседали энергичные люди, породившие более свободную субкультуру” (15, 4.05.93); “Еще в начале нашего века отсюда приходили в большую политику самые махровые реакционеры и черносотенцы... в этом районе не смогли развиваться как следует ни новейшие отрасли промышленности, ни наука, ни высшее образование, его население постоянно сокращается из-за миграционного оттока – а уезжают обычно не самые ленивые и бездарные, а совсем наоборот” (5, 7.07.93).

инфляция сотрет эту эйфорию в порошок... Возможность грубых “покупок” крупных центров со временем сужается (3, 4.06.94), и “мы имеем полное право реабилитировать кадровый рабочий класс Урала и утверждать, что его политические выступления за свои права и интересы — дело ближайшего будущего” (2, 10.07.94).

В литературоведческих терминах подобную взаимосвязь пространственных и временных представлений можно описать как “адекватность и прямую пропорциональность качественных степеней (ценностей) пространственно-временным величинам (размерам)”: “Это значит, что все ценное, все качественно положительное должно реализовывать свою качественную значительность в пространственно-временной значительности, распространяться как можно дальше и существовать как можно больше, ...все же качественно-отрицательное — маленькое, жалкое и бессильное и должно быть вовсе уничтожено и бессильно противостоять своей гибели” (24, с.316-317).

Таковы общие черты существующих политико-географических образов страны, конкурирующих и в то же время неразрывно связанных друг с другом. Я не ставил перед собой цели проверять их правильность — это довольно бессмысленно для мифологических по сути объектов. Важнее было понять сами закономерности, по которым они складываются и живут.

* * *

Результатом двух описанных процессов — обмена информацией и ее осмысления и упорядочения — должно быть непосредственно восприятие географических образов, их закрепление и существование в массовом сознании.

В качестве первого приближения к изучению этой завершающей стадии формирования массовых представлений о регионах можно обратиться к материалам проведенного в 1997 г. в Московском Центре Карнеги опроса трех десятков экспертов-регионалистов, которым было предложено выделить регионы с наиболее высоким и самым низким уровнем развития демократии. При интерпретации результатов опроса я и мои коллеги исходили из предположения, что, давая оценку регионам, эксперты в одних случаях опирались на собственные знания, а в других (когда речь шла о малознакомых регионах) — на существующие массовые представления. При сложении многих ответов высказывания второго типа, повторяясь, выходили на первый план, в то время как основанные на личных сведениях суждения превращались в “статистический шум”, так что в итоге получилась вполне ожидаемая, “обывательская” картина представлений (подр. см: 1).

Анализ результатов опроса позволяет выделить два фактора, с наибольшей очевидностью влияющих на представления о регионах. Первый из них — поведение регионов на выборах. В списке недемократичных регионов явно больше голосующих за “красных”, среди демократичных — голосующих за “демократов”, что свидетельствует о смешении этих двух явлений. Второй фактор — личность регионального руководителя. Для десятки недемократичных регионов оценка руководителя практически совпадает с общей интегральной оценкой и, видимо, во многом ее определяет, для десятки демократичных она устойчиво ниже интегральной.

Похожая тенденция проявляется и в ответах на открытый вопрос, почему были выбраны именно эти регионы. Если при объяснении причин, по которым тот или иной регион был отнесен к категории недемократичных, преобладали ответы, связанные с характеристикой власти: авторитарный стиль руководства, коррумпированность, сохранение старой номенклатуры и т. д., то основанием для выбора демократичных регионов служили качества не столько их лидеров, сколько общественной среды: в частности, плюрализм, открытость, свобода прессы, “продвинутость” жителей.

Представления экспертов об уровне демократизма "русских" регионов России (1997 г.)

Регион	Упоминания в первой десятке, %		Упоминаний в первой тройке, %		Оценка демократизма региона в целом и по отдельным параметрам по десятибалльной системе						
	самых демократических	самых недемократических	самых демократических	самых недемократических	Общая оценка демократизма	Открытость региона	Наличие реальной оппозиции	Институционализация власти	Демократизм выборов	Демократизм руководителя региона	Средняя оценка по составляющим демократизма
Регионы, оцененные как самые демократичные											
С.-Петербург	96	-	56	-	8,7	9,0	8,5	8,1	9,2	6,5	8,3
Нижегородская	72	8	28	4	7,6	8,8	7,3	6,5	7,8	7,3	7,5
Свердловская	72	4	36	-	7,1	8,0	7,1	7,9	8,4	5,9	7,5
Москва	68	16	44	8	8,1	8,7	6,4	8,3	8,6	5,7	7,5
Самарская	64	4	16	-	7,4	7,9	7,2	6,6	7,9	6,8	7,3
Иркутская	52	4	16	-	7,7	7,5	7,4	6,9	8,2	7,8	7,6
Калининградская	44	8	4	4	6,5	7,5	7,3	6,1	7,0	5,3	6,6
Ярославская	44	-	8	-	7,6	8,3	8,3	6,7	8,1	6,5	7,6
Красноярский	36	4	-	-	6,9	7,9	7,2	7,8	9,2	5,8	7,6
Новгородская	36	-	12	-	7,1	6,8	6,2	4,3	6,5	6,5	6,1
Пермская	36	-	12	-	8,1	7,0	7,8	8,0	8,4	7,2	7,7
<i>В среднем</i>					7,5	7,9	7,3	7,0	8,1	6,5	7,4
Регионы, оцененные как самые недемократичные											
Приморский	-	88	-	36	2,6	4,2	5,0	3,6	3,9	1,8	3,7
Ульяновская	-	72	-	16	2,5	3,5	4,0	3,9	4,5	2,1	3,6
Курская	-	68	-	24	2,6	4,1	3,5	4,5	5,8	2,3	4,0
Краснодарский	8	40	-	8	3,4	4,3	4,4	4,3	5,5	2,7	4,2
Брянская	-	40	-	8	2,6	3,3	3,2	3,6	6,5	2,4	3,8
Саратовская	8	40	4	8	3,9	5,8	4,8	5,8	5,1	3,9	5,1
Орловская	8	36	-	20	3,2	3,8	2,9	5,6	6,8	5,0	4,8
Пензенская	-	36	-	8	2,4	3,8	3,8	4,9	5,4	2,9	4,2
Тамбовская	4	32	-	8	2,4	3,0	3,6	5,0	6,0	3,3	4,2
Курганская	-	28	-	4	2,8	4,0	3,7	4,5	4,2	3,2	3,9
Московская	24	28	4	-	5,2	7,0	6,0	5,7	6,6	4,0	5,9
<i>В среднем</i>					3,1	4,2	4,1	4,7	5,5	3,1	4,3

Для объяснения полученных результатов можно привлечь и другие гипотезы: экономическую — что представление о демократизме связано с глубиной либеральных реформ в экономике; географическую — что демократичным выглядит, как правило, крупный городской регион, а недемократичным —

небольшой сельский; “журналистскую” — что в категорию недемократичных попадают наиболее “скандальные” регионы, которые по тем или иным причинам оказываются на слуху у публики, и т.д., но все они способны служить объяснением лишь частично, далеко не в полной степени.

Все это свидетельствует о том, что представления о политико-географическом пространстве страны формируются в ходе переплетения и наложения друг на друга целого комплекса различных причин и факторов, которые еще нуждаются в дополнительном изучении.

Грядущие думские и президентские выборы неизбежно внесут коррективы в сложившуюся в нашем обществе систему пространственно-политических представлений. Их анализ еще только предстоит, но уже сейчас есть основания говорить о том, что описанная выше политико-географическая мифология выдержит испытание на прочность и, изменившись в деталях, в целом сохранится.

1. Петров Н.В., Титков А.С. Образы регионов в общественном сознании: мифы и стереотипы. — *Политический альманах России 1997. Т. 1: Выборы и политическое развитие*. М., 1998.
2. “Советская Россия”.
3. “Литературная Россия”.
4. “Правда”.
5. “Независимая газета”.
6. “Гласность”.
7. “Российская газета”.
8. “Московский комсомолец”.
9. “Тюменские известия”.
10. Кроль Ю.Л. Пространственные представления спорящих сторон в “Рассуждениях о соли и железе” Хуан Куаня (III в. до н.э.). — *Государство и общество в древнем Китае*. М., 1978.
11. *История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс*. М., 1939.
12. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.*. Т. 40. М., 1962.
13. Мещеряков В.А. Читая старые “Огоньки”. — “Знание-сила”, 1991, № 8.
14. “Сегодня”.
15. “Деловой мир”.
16. “Известия”.
17. “Московские новости”.
18. “Век”.
19. Леви-Стросс К. Существуют ли дуальные организации. — Леви-Стросс К. *Структурная антропология*. М., 1983.
20. “Новое время”.
21. Элиаде М. *Священное и мирское*. М., 1994.
22. “День”.
23. “Русский собор”.
24. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1979.

Рис. 1. Диаметральная модель "север – юг" ("Общая газета", 27.06.1996)

Рис.2. Концентрическая модель, противопоставляющая историческое ядро страны сырьевым окраинам ("Русский собор", 24.06.1993)